

ЗА КАЖДОЙ КНИГОЙ — СУДЬБА

Гропянову пятьдесят? Да будет вам! Кажется еще вчера он ходил чуть ли не в самых молодых, можно сказать, во вьюношах, в нашей, в ту пору, чуждой признакам старения, писательской организации. Помните, Евгений так повлиял своим вступлением в Союз на возрастную статистику камчатской писательской братии, что наша организация враз стала чуть ли не самой «зеленой» в стране.

И вот, надо же, и к нему подкрался юбилей. Нет-нет, я не оговорился насчет «подкрался». Не птицей-тройкой, предупреждающе оповещающей округу праздничными переливами бубенцов, подкатил он, а как бы продрался сквозь мрак смутных времен и осторожно, словно заполночным стуком в окошко, напомнил о себе: заждался, Евгений Валерьянович, или как?..

Не в лучшие времена преподжаловал... Ну а если по правде, то гропяновский слух

никогда не улаждали «бубенчики» крикливости, показной эффектности, мельтешения на миру. Он чуждался этого обольстительного обмана даже в те мирные, застойные времена, когда для подобных проявлений было больше возможностей. И предпосылок. Так что — это от природы, гропяновской натуры.

И слава Богу. Не этим же — сколько и как намельтешил — отчитывается человек, тем более творческий, а своей корневой, человеческой и профессиональной сутью, тем, какой след впечатал в летопись Отечества, родного края, в души людей. И тут хоть к счетам бухгалтерским прибегай, одними пальцами не обойтись.

С чего начнем? С литературы? С художественного освоения Камчатки? И сразу выпирает целая эпоха. А дружина ее — Гропянов. Сомневайтесь? Подойдите к книжной полке своей домашней библи-

отеки. Откройте страницу любой книги камчатского автора с ее выходными данными. И почти на каждой из книг вы увидите фамилию редактора Евгения Гропянова. И даже если обнаружите вдруг другую фамилию — не торопитесь менять уличать в неверной информации. Все равно рукопись и этой книги была принята, прочитана, всячески обмозгована, выверена издательским и писательским опытом и приговорена к выходу в свет, к читателю, им, Гропяновым.

Сколько же было таких приговоров за последние два десятилетия — пору литературного взрыва на Камчатке! Какие пласты жизни вскрыты художественным словом! Каким творческим многообразием заявила о себе российская далекая окраина! И за каждой в муках сладостных рождающейся книгой чья-то литературная судьба. За каждой книгой — пересечение судеб. Его, ре-

дакторской, и авторской. Пересечение не всегда миролюбиво, взаимоприятное.

Двигаю мысленно еще костяшку. Путь в творческий Союз, а значит, в нашу нынешнюю камчатскую писательскую организацию проходил и проходит через издательские врата. На самый худой конец вынь две книги и положи, без них и разговора о приеме не ведется. Хорошо, если перед этими двумя откроются врата. А если нет? Опять к нему же, к издателю. Вот и получается, что почти все мы, образно говоря, вышли из гропяновского издательского портфеля.

Появление на свет первого сборника «Камчатка». Хилого, с невыразительным внешним обликом. Второй, третий... пятый. Дебаты — каким ему быть внешне, что нести в себе. И вот уже Камчатка не мыслит литературную жизнь без ежегодника. А мы, авторы, не

мыслим ежегодник без его составителя, Евгения Гропянова.

Лепятся одна к одной костяшки, теснятся, увеличивая счет человеческих и писательских деяний. Первая поэтическая кассета... Первый роман... Первый итоговый поэтический сборник... Многолетнее бес- сменное представительство в бюро писательской организации. Хлопоты о путевках для соборатье по линии литфонда.

Стоп! А как у него, главным житейным предназначением? Писательским? Как говорят, дай бог каждому. И тут Гропянов стоит особняком со своим историческим мышлением. Прошлое Камчатки все мы познаем по гропяновским историческим повестям и рассказам: «Атаман», «Черный монах», «Море россос», «Земля Америка», «Гости из туманной Британии», и многим другим. Но предоставим лучшее слово авторитетам. Еще о первых двух книгах «Атаман» и «За переливы», вот как отзывался крупнейший писатель и знаток истории Дальнего Востока Николай Задорнов: «Евгений Гропянов предстает в этих произведениях как серьезный молодой писатель, ве-

душий самостоятельные поиски интересных тем и героев, основываясь на исследованиях в безбрежном море исторических событий прошлого».

С этой оценкой перекликается вывод ленинградского критика Аллы Калентьевой, размышляющей о дальневосточной литературе в одиннадцатом номере журнала «Звезда» за 1985 год: «Историческое повествование Гропянова продолжают в литературе лучшие традиции русской исторической прозы».

Стучат, теснятся костяшки на воображаемых счетах.

А еще Евгений Гропянов стал недавно дедушкой...

Пытаюсь представить реакцию на свои заметки по такому особому случаю самого юбиляра. Наверняка морщится, читая их. Ворчит про себя. От внутреннего смущения ворчит. Пытка же...

«Ну хватит... Зачем все это?»

А потерпеть можно, Евгений Валерьянович? Женя! Дорогой наш юбиляр! Хотя раз в пятьдесят лет можно перетерпеть, а?

И с праздником тебя! От души!

Николай САМЕЕВ.

лефон? — поинтересовался Сырокомов развеселившись. — Или вы коллекционер справок определенной тематики?

— Ты что мне лапшу вешаешь! — разозлился урчащий голос. — Я клиент, ты меня обслужи!

енты, а клиент всегда прав... Телефон дзинькнул, как будто просит: можно вас пригласить к разговору?

«Отвечу, — решил Сырокомов, — и к столу. Пора, брат, машинка заскучала и замерзла». — Да, я вас слушаю.

день или вечер, дорогие мои родители, дорогой папочка и дорогая мамочка, с приветом к вам ваша дочь Нина. Дорогие родители, вот посылаю вам второе письмо, но от вас почему-то не получаю. Дорогие родители, в том письме я про Николая опи-

ню все наши пути, сколько я с ним прошла, сколько была под страхом. Вот я была в положении, и в этот момент блокировка лесов. Немцы наступали, и вот я его потеряла, он куда-то от меня исчез, а я бежала и середь дороги родила. Я сняла с се-

— Вы любили его?

— Да. Сырокомов не любил отца. Он смеялся над ним — ненормальный идеалист всех людей считал порядочными. Иногда он презирал отца. Всегда чуждался. Отец умер. И вся любовь, которую природа отпускает на любовь к родителям, проснулась в нем, но любовь не светлая, а покаянная, со слезами, взываниями к богу от бессилия увидеть отца живым, обнять и припасть к ногам его. Он много передумал с тех пор, как умер отец, и, старая, все более скорбил об отце.

— Я любил отца. — повторил утвердительно Сырокомов.

— Я рада за вас, что вы прозрели. От каждого требуется подобный шаг, но не каждый может его сделать. Будьте любезны, повторите написанное. Вы правильно записали?

— Конечно, можете не сомневаться.

— Повторите.

Что-то случилось с голосом — он осип, его перехватило и затолкнуло в глотку. Сырокомов поперхнулся и закашлялся, и где-то внутри головы скопилось слеза и подступила к глазам. «Я плачу, — подумал он удивленно-тихо, — я плачу за мно-

гие годы. Я забыл, когда плакал... Слезы, к чему они... — Издали, из туманного реального съезвил: — «Скупая мужская слеза...» — Почему вы молчите? — спрашивала трубка. — Але, але, почему вы молчите?.. — Лицо его пекло, кожа сгорала, свернувшись тонкой ломкой родимой, и кровавый шрам прорезал его лицо. Слеза скатилась... Не веря себе, Сырокомов притронулся к щеке — она была как всегда небрита. — Але, — надрылась трубка. — ответьте, ответьте.

— Адрес, пожалуйста.

— Отцу. На кладбище.

— Он же... умер!

— На кладбище есть смотритель. Он и прочтает ему.

— Тогда почему вы не сами...

— Я не бываю у него после похорон. Поздравляю с Рождеством. Победой. С моими праздниками. Смотритель читает ему мои старые письма. Я удостоверялся. Тем более, он получает за каждое письмо денежный перевод. Не забудьте, письмо должно быть отправлено не позже завтрашнего.

— Но сейчас не Рождество, а просто зима.

— Он поймет, он все поймет...

Евгений ГРОПЯНОВ

РАССКАЗ

ТВОЯ СЛЕЗА

— Милейший, клиентам я не вешаю лапшу на уши, это неэстетично. Я всегда предлагаю повесить спагетти, это в духе времени, это удивляет, да и аппетит от спагетти зверский.

— Ты мне... — голос осекается, переходя на свист.

— Я же предупреждал, лапши нет. — Сырокомов ждал, когда лягнет трубка, но голос, лязгнув, примирительно урчаул.

— А ты ничего, нормалек. Ты и есть тот самый писатель Сырокомов? Читал тебя. Верно пишешь. Про объяву не говорю — не дури, пиши лучше книжки. И запомни, мы все твои кли-

говорила женщина.

— Я рада, что в городе появился человек, способный понять одиноких... Я предвижу возражения, но скажу — каждый одиноко, когда остается наедине с собой, и никто никогда, даже на страшном суде, не узнает, в чем он исповедуется сам себе.

— Доброе утро, — обескураженно вставил Сырокомов.

— А я разве не поздоровалась? Тогда простите меня. Возьмите бумагу и карандаш.

— У меня ручка...

— Лучше карандаш. Хотя ладно. Начнем. «Добрый

сала все как было. Дорогие, с Николаем пришлось расстаться. Мы с ним были вместе в одном партизанском отряде, и вот когда пошли переходить фронт, то Николая постигло несчастье. Судьба, дорогие родители. Мне пришлось с ним расстаться, с дорогим, милым человеком. Дорогие мои родители, как мне тяжело. Милая, дорогая мамочка, дорогой папочка, прошу вас не очень расстраиваться. Дорогие, ничего теперь не подделаешь, много людей погибло. Прошу вас, берегите себя. Дорогие, вы думаете, что я вас успокаиваю и мне легко, нет, мне еще тяжелее. Я как вспом-

бя юбку и бежала всю ночь. Кругом немцы. Вот ночью я своих нашла. Николай меня встретил, но ребенок у меня замерз, и так нам пришлось его похоронить. Дорогие родители, что же, разве у меня сердце не болит, ох, сколько мы с ним прошли путей, и вдруг я теперь одна. Пишу письмо, а сама заливаюсь слезами. Ох, как тяжело. Я ни в чем перед ним не виновата. До свидания. Целую всех тысячу раз. Пишите чаще, пишете. Ваша дочь Нина».

— Ваш отец жив? — Голос женщины был мягок и ласков.

— Он умер.

Межвременье, когда повесть застыла и когда он, Сырокомов, соберется с мыслями, удручало. Жаль, не тоскливо подумал Сырокомов. — Тогда за сколько можно продать горе человеческое? Слава Богу, эти не продают горе, сбывают свои излишние блага. Горе приходит само. Оно выбирает тех, кто беззащитнее: с ними легче справиться...»

Вечером Сырокомов отпечатал: «Пишу всяческие письма и отправляю. Связь по телефону. Оплата символическая». Таясь от людей, наклеил объявление у остановки...

Звонили несколько человек, дурачились. Перед сном, когда Сырокомов по привычке протянул руку за книгой, вновь позвонили.

— Покажи справку, — урчало в ухо. — Что ты не псих.

— А у вас что, видеоте-

Сырокомов быстро оделся. Диска объявлений на автобусной остановке, обклеенная бумажками, заставляла